лишь сопоставить полностью текст списка XV в. (псково-печерского) в пунктуации Х. М. Лопарева с позднейшим, рижским списком XVI в.

Печерский список

О светло-светлая | и красно украшена земля Руськая!
И многыми красотами | удивлена еси:
озеры многыми | удивлена еси,
реками и кладязьми | месточестьными,
горами крутыми, | холмы высокими,
дубравоми частыми, | польми дивными,
зверьми различными, | птицами бесщислеными,
городы великими, | селы дивными,
винограды обительными, | домы церковьными,
и князьми грозными, | бояры честными, вельможами многами!
Всего еси испольнена, | земля Руская,
о прававерьная вера | християньская!

Рижский список

О светло-светлая | и красно украшена земля Руская!
И многими красотами | удивлена еси:
озеры многими | удивлена еси,
реками и кладязьми,
месточестными горами, | крутыми холмы,
высокими дубравами, | чистыми польми,
дивными зверьми,
различными птицами бещислеными,
городы великими, | селы дивными,
винограды обительными, | домы церковными
и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами!
Всего еси исполнена земля Руская |
О прававерная | вера християньская!

В перечислении по пунктуации Лопарева чувствуется ясно выдержанный ритм двучастных долгих стихов и наблюдается выразительная постпозиция эпитетов, последовательно проведенная пятнадцать раз в одной фразе.

В младшем списке перечисление начато с постпозиции: «озеры многими», но затем «реки и кладязи» почему-то остались без эпитета и повисли в воздухе как отрывок стиха; следующие четыре объекта имеют эпитеты впереди, «птицы» имеют почему-то два эпитета, и спереди и сзади: «различными птицами бещислеными», а затем семь эпитетов стоят все-таки после определяемых слов. Такая путаница не могла принадлежать поэту, а лишь невнимательному переписчику, начавшему ставить точки не на месте, а затем спохватившемуся и последовавшему за своим оригиналом. Такая пунктуация не только нарушает ритм поэмы и искажает его выразительный стиль. Она нарушает и требования логики — «месточестные горы» не имеют никакого смысла, тогда как «реки и кладязи месточестные» вполне понятны. Славяне издавна почитали реки, а особенно их источники (так надо понимать «кладязи» — ключи). Это почитание сохранялось и в христианскую эпоху. Достаточно вспомнить Игначь крест, поставленный в 1155 г. в верховьях Волги, и часовни, стоявшие еще недавно на истоках рек, например той же Волги. «Горы крутые» — это эпитет, известный народной поэзии; мы найдем его, например, в песне о Горе: «Я пойду с горя во круты горы».[27] Эпитет этот перешел даже в поговорку: «Укатали сивку крутые горки». Между тем «крутые холмы» довольно необычны, ибо холмы обычно пологие; эпитет «холмы высокие» более осмыслен. «Высокие дубравы» тоже необычны: гораздо понятнее «дубравы частые», как прочел слово под титлом еще Х. М. Лопарев, нашедший в одном рукописном тексте параллель: «и влезе в дубраву часту». Писец рижского списка прочел «чистыми» и отнес этот эпитет к полям. Правда, «чистое поле» знакомо народной поэзии, но всегда в смысле необработанной, безбрежной степи.[28] Между тем певец «Слова»,

[27] В стихе о Егории Храбром: «Зароститеся вы, лесы, по всей земле светло-русской, по крутым горам по высоким». (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. 511).

[28] «Поезжай-ко ты в раздольице чисто поле», «поехали они в чисто поле поляковать», «не езди далече во чисто поле» и т. д. (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. 9, 196, 149). В «Повести об Азовском сидении»: «уже нам... дикого зверя в чистом поле не стреливать» (см.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 6. М., 1955, стр. 370).